

ПЕРСПЕКТИВА КОНВЕРГЕНЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И КИТАЯ КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МНОГОПОЛЯРНОСТИ В XXI СТОЛЕТИИ

© 2023 г. Г. Г. Небрятенко

*Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва;
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*

E-mail: gennady@nebratenko.ru

Поступила в редакцию 24.01.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу Дальневосточного и Евразийского государства, представляющему научный интерес для синхронизации межгосударственного сотрудничества и стабилизации международной безопасности национальными средствами. Прагматичное взаимодействие крупнейших государств Евразии направлено на урегулирование противоречий современного миропорядка, во многом предопределенных стремлением США к глобальному распространению правил однополярного мироустройства. Объектом научной статьи являются сравнительно-правовые отношения Китайской Народной Республики и Российской Федерации в процессе конкретно-исторического развития национальных правовых систем, заключающие в себе кумулятивный потенциал для обеспечения всеобщего мира и безопасности. Предмет статьи выражается в компаративистском анализе китайской и российской правовой систем на базе исследования характерных черт романо-германского, социалистического и традиционного (обычного) права. В основе проведенного исследования сравнительно-правовая концепция Рене Давида и ее эпилог в редакции Камиллы Жоффри-Спинози, увенчавшая научные представления о типах права и правовых систем, а также утвердившаяся в гуманитарных науках периодизация исторических эпох, сложившихся в процессе поступательного развития человечества от Древнего мира до Новейшего времени. Методологической базой научного познания стало применение сравнительно-юридического метода, историко-правового и формально-логического, а также системно-структурного метода. В итоге сделан вывод о безусловном влиянии на китайскую правовую систему признаков «семьи социалистического права», с учетом заявленного к 2049 г. строительства коммунизма, а также завершения проекта «Один пояс – один путь» (Великий шелковый путь). Одновременно в Российской Федерации сложилась правовая система романо-германского типа, но Российская Федерация как правопреемница Союза ССР на своей территории и в международных организациях, остается родоначальницей семьи социалистического права, что является вкладом отечественной науки в развитие всемирной юриспруденции. Однако для семьи романо-германского права Российская Федерация слишком масштабна в историко-географическом плане и специфична по юридическому значению, поэтому более точным является представление о самодостаточности национальной правовой системы, у которой в настоящее время, очевидно, доминируют признаки континентального права. Механическое отнесение российской правовой системы к типу романо-германского права, произошедшее на уровне доктрины в 90-е годы XX в., является предсказуемым решением, связанным с представлением о существовании квартета правовых семей. Однако Рене Давид в советский и постсоветский периоды рассматривал Россию отдельно от правовых систем Старого Света и «младоевропейских государств», провозглашенных в XX столетии и не оказывающих суверенного влияния на развитие всемирной юриспруденции. Эти и другие концепты, рассмотренные в статье, иллюстрируют особое место Российской Федерации и Китайской Народной Республики в многополярном мире, а также их роль как ответственных участников международного сотрудничества.

Ключевые слова: национальная правовая система, правовая система общества, правовая семья, романо-германское право, социалистическое право, традиционное право, глобализм, международная безопасность, международная правовая система, российская правовая система, китайская правовая система, многополярность, конвергенция правовых систем, «Один пояс – один путь», Великий шелковый путь.

Цитирование: Небрatenko Г.Г. Перспектива конвергенции правовой системы России и Китая как юридическое измерение многополярности в XXI столетии // Государство и право. 2023. № 7. С. 44–54.

DOI: 10.31857/S102694520024182-1

THE PROSPECT OF CONVERGENCE OF THE LEGAL SYSTEM OF RUSSIA AND CHINA AS A LEGAL DIMENSION OF MULTIPOLARITY IN THE XXI CENTURY

© 2023 G. G. Nebratenko

*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow;
Southern Federal University, Rostov-on-Don*

E-mail: gennady@nebratenko.ru

Received 24.01.2023

Abstract. The article is devoted to the comparative legal analysis of the Far Eastern and Eurasian states, which is of scientific interest for synchronizing interstate cooperation and stabilizing international security by national means. The pragmatic interaction of the largest states of Eurasia is aimed at resolving the contradictions of the modern world order, largely predetermined by the desire of the United States for the global spread of the rules of the unipolar world order. The object of the scientific article is the comparative legal relations of the People's Republic of China and the Russian Federation in the process of concrete historical development of national legal systems, which contain cumulative potential for ensuring universal peace and security. The subject of the article is expressed in a comparative analysis of the Chinese and Russian legal systems based on the analysis of the characteristic features of Romano-German, socialist and traditional (customary) law. The theoretical basis of the research is based on the comparative legal concept of Rene David and its epilogue edited by Camille Joffre-Spinosi, which crowned scientific ideas about the types of law and legal systems, as well as the periodization of historical epochs established in the humanities in the process of progressive development of mankind from the ancient world to Modern times. The methodological basis of scientific knowledge was the use of the comparative legal method, the historical-legal and formal-logical, as well as the system-structural method. As a result, the conclusion is made about the unconditional influence of the signs of the “family of socialist law” on the Chinese legal system, taking into account the declared construction of communism by 2049, as well as the completion of the “One Belt, One Road” project (the Great Silk Road). At the same time, a right-wing system of the Romano-Germanic type has developed in the Russian Federation, but Russia, as the legal successor of the USSR on its territory and in international organizations, remains the ancestor of the family of socialist law, which is the contribution of domestic science to the development of world jurisprudence. However, for the family of Romano Germanic law, the Russian Federation is too large in historical and geographical terms and is specific in legal significance, therefore, the idea of self-sufficiency of the national legal system, which is currently obviously dominated by signs of continental law, is more accurate. The mechanical attribution of the Russian legal system to the type of Romano-Germanic law, which occurred at the level of doctrine in the 90s of the XX century, is a predictable decision related to the idea of the existence of a quartet of legal families. However, Rene David in the Soviet and post-Soviet period considered Russia separately from the legal systems of the Old World and the “Young European states” proclaimed in the XX century and not having a sovereign influence on the development of world jurisprudence. These and other concepts discussed in this article illustrate the special place of the Russian Federation and the People's Republic of China in the legal world, as well as their role as responsible participants in international cooperation.

Key words: national legal system, legal system of society, legal family, Romano-Germanic law, Socialist law, traditional law, globalism, international security, international legal system, Russian legal system, Chinese legal system, multipolarity, convergence of legal systems, “One belt, one way”, The Great Silk Road.

For citation: Nebratenko, G.G. (2023). The prospect of convergence of the legal system of Russia and China as a legal dimension of multipolarity in the XXI century // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 44–54.

Гуманитарные науки, частью которых выступают юриспруденция, периодизируют человеческую цивилизацию на Древний мир, Средние века, Новое и Новейшее время, причем смена эпох сопровождается тектоническими изменениями государства и права: падение Западно-Римской империи (476 г.) и Восточно-Римской (1453 г.); Российской Империи (1917 г.), а также Австро-Венгерской и Германской (1918 г.)¹. Новейшее время открылось по итогам Первой мировой войны с заключением Версальского договора (1919 г.), характеризующаясь прогрессивным развитием науки и техники, ростом промышленности и автоматизации труда. При этом завершение Второй мировой войны (1945 г.), а также упразднение Союза ССР (1991 г.) с предшествовавшим ей роспуском «стран социалистического лагеря» оказали конститутивное влияние на реальность Новейшего времени, к тому же сложившаяся в научном сообществе линейная модель человеческого прогресса оказалась выгодна англосаксонским государствам. Последние рассматриваются в ее рамках не поверженными и поэтому непогрешимыми, что на идеологическом уровне создает иллюзию их глобального превосходства. Хотя англосаксонское доминирование в XXI столетии вошло в противоречие с человеческим прогрессом и принципами международной безопасности, ущемляя национальные интересы многотысячелетней Индии, Ирана, Китая, а также тысячелетней России.

Нации древнейших государств Евразии, впитавших культуру основных исторических эпох, совокупно пережитых человечеством, сформировались в результате длительной нелинейной эволюции, и в их орбиту вовлечены сотни различных по правовой культуре народов. Совместное проживание этносов привело к распространению цивилизации и развитию правовой культуры, стремительной эволюции регионов за счет государственной поддержки их экономики, образования, медицины, транспорта, а также обеспечения безопасности и правопорядка. В итоге сформировались многонациональные народы, соединенные общей судьбой на своей земле, стремящиеся к сохранению исторически сложившегося политического единства, как справедливо замечено в преамбуле Конституции РФ.

Сложившаяся в итоге модель «континентального многонационального государства» отличается от «трансконтинентальных империй», в свое время устроенных Великобританией, Испанией, Нидерландами, Португалией, Францией и Японией, рассматривавших взаимодействие с «национальными окраинами» как диалог с колониями,

¹ См.: Лурье Ф. М. Российская и мировая история в таблицах: синхронизированные таблицы. СПб., 1995.

выполнявшими роль донора для поддержания благосостояния метрополии. Аналогичный образ международного взаимодействия впитали Соединенные Штаты Америки, ставшие идеологическим и миграционным порождением Западной Европы, в первую очередь Великобритании и Ирландии. Многие субъекты международного права в XXI в. испытывают на себе «постколониальный диктат» и вынуждены подчиняться навязываемым «правилам однополярного глобального мироустройства», а суверенные государства реагировать на поставляемую международную «повестку дня». Впрочем, в Новейшее время лекала «колониальной политики» пробуксовывают, и для продолжения глобального доминирования нередко используются негодные средства. К ним относятся: незаконное уязвление экономики конкурентов; финансирование экстремистских и террористических ячеек; организация массовых беспорядков вплоть до устройства «цветных революций»; физическое устранение неудобных политических деятелей; осуществление провокаций с применением отравляющих химических веществ, а также проведение опасных экспериментов с объектами вирусологической этиологии. Кроме того, целенаправленно создаются условия для локальных конфликтов с вовлечением сил и средств НАТО по сценарию, уже апробированному в Ираке, Ливии, Сирии, в республиках бывшего СССР и Югославии.

Волюнтаристский подход к замораживанию претензий на глобальное превосходство грозит миру завершением исторической эпохи как варианта окончания Новейшего времени, но балансировка на грани апокалипсиса не устраивает суверенные нации, стремящиеся к многополярности. Поэтому единение международно-правовых позиций Китайской Народной Республики и Российской Федерации неизбежно. Многие другие нации и народы, следуя здравому рассудку, стремятся сохранить собственную идентичность, менталитет и правовую культуру. Тем более что в процессе смены исторических эпох наблюдается тенденция к ускорению человеческого прогресса, и если Древний мир эволюционировал тысячелетиями, то Средние века длились менее тысячи лет (477~1453 гг.), а Новое время развивалось около пятисот лет (1454~1918). Сколько отмерено Новейшему времени, неизвестно, кроме того, что это произойдет.

В 2019 г. Новейшее время перешагнуло столетний рубеж, что ознаменовалось началом глобальной пандемии COVID, продемонстрировавшей, что поступательное развитие человеческого прогресса пробуксовывает. Длительное время наблюдается деконструкция агрегатов международной правовой и торговой системы, экспортирование социальной аномии, стагнация общеевропейской

экономики, а также депопуляция коренного населения. Существенными условиями для депопуляции стало покушение на классические семейные ценности, проведение экспериментов с «гендерной социализацией» детско-юношеской среды и вовлечение молодежи в криминальную деятельность, в первую очередь за счет наркотизации².

В XXI в. континентальная Европа утратила роль авангарда всемирной цивилизации, став частью света, где зарождаются глобальные противоречия и возникают масштабные конфликты, а США и Великобритания оказались не в состоянии справиться с грузом ответственности за судьбы наций. В Новейшее время они используют лидирующие позиции для обогащения финансово-промышленных элит за счет поглощения ресурсов, принадлежащих другим народам, делая это вопреки интересам собственного населения, например, насаждением гендерной теории, обезличивающей биологический вид и ограничивающей возможность его естественного воспроизводства. Поэтому будущее прогресса с прицелом на XXII столетие закладывается в современной Азии, лишенной колониальных амбиций и безудержной алчности национальной буржуазии, но достаточно богатой, в первую очередь человеческим ресурсом. Стагнация Новейшего времени повышает уровень ответственности государств, предлагающих идти по пути здравого рассудка, развивая цифровые технологии с целью обеспечения человеческого прогресса без деиндустриализации и дегуманизации общества³.

Для научного сообщества Китайской Народной Республики и Российской Федерации актуализирована разработка путей преодоления глобальных противоречий путем развития «многополярного миропорядка», основанного на равноправии наций, достигаемого отменой постколониальной эксплуатации народов, маскируемой гуманизмом и демократией, а также противодействием инспирируемым извне «террористическим угрозам». В результате международно-правовые позиции КНР и Российской Федерации сближаются. Для урегулирования межгосударственных интересов действует Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г.⁴

² См.: *Варданян А. В.* «Золотая молодежь» как специфическое явление в структуре современной насильственной преступности и объект криминалистического исследования // *Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи.* Уфа, 2019. С. 19–25.

³ См.: *Шатковская Т. В., Епифанова Т. В., Вовченко Н. Г.* Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // *Проблемы экономики и юридической практики.* 2018. № 3. С. 142–146.

⁴ См.: СЗ РФ. 2002. № 21, ст. 1922.

Вышеизложенное актуализирует компаративистское исследование КНР и Российской Федерации, позволяющее «сверять часы» при строительстве многополярного механизма преодоления глобальных противоречий и катаклизмов, например, посредством международной евразийской организации «Шанхайская организация сотрудничества» или группы государств БРИКС. Тем более что ханьцы и русские как государствообразующие этносы различны по материальной культуре, но идентичны по идеалистическому мировоззрению, склонности к патерналистской форме традиционализма, а также к межличностной толерантности. Однако китайское общество сохраняет верность маоизму как национальной разновидности марксизма, что отражено в преамбуле Конституции КНР⁵. В России же авторитет создателя Советского государства В.И. Ленина и строителя социалистического общества И.В. Сталина развеян, что с идеологической точки зрения объясняет деконструкцию Союза ССР. Общество с середины 80-х годов XX в. подтачивается западной субкультурой «либеральных ценностей», сохраняя склонность к межэтнической дисперсии, а государственная или иная обязательная идеология запрещена как таковая (ст. 13 Конституции РФ).

В современном Китае, устроенном на основе политического централизма, сложилось стабильное общество социалистического типа, передовая экономика носит многоукладный суверенный характер и в ее основе лежит планово-административный механизм, сделавший Дальневосточное государство одним из флагманов мировой промышленности и торговли. В то же время российское общество после деконструкции общесоюзной государственности до конца не оформилось как капиталистическое, закладка принципов рыночной экономики в 90-е годы XX в. основывалась только на приватизации государственной собственности, приводившей к оскудению федерального бюджета, экономии на социальных программах и, как следствие, к депопуляции населения. В результате череды реформ отечественная экономическая система была подготовлена к встраиванию в глобальное экономическое пространство, но англосаксонские государства de facto не готовы признать и принять «Новую Россию», игнорируя ее национальные интересы и уязвляя безопасность, покушаясь на политический суверенитет, который отчасти утрачен странами континентальной Европы.

⁵ См.: Конституция КНР (принята 04.12.1982 г., с изм. на 1-й сессии Тринадцатого Всекитайского собрания народных представителей 11.03.2018 г.), 2022 [Электронный ресурс] // Портал законов Китая – CJO // <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/constitution-of-china-20180318> (дата обращения: 11.11.2022).

Между тем, невзирая на имеющиеся различия, сфера образования и науки обоих государств адаптирована к взаимовыгодному сотрудничеству, заложенному советскими учеными и инженерами, помогавшими в 1949–1956 гг. в строительстве Китайской Народной Республики. В дальнейшем КНР неизменно учитывала многоаспектный советский и постсоветский опыт. В ведущих российских вузах осуществляется обучение специалистов и аспирантов из Китая, при этом дальневосточные университеты встречно предоставляют образовательные гранты для талантливой молодежи из России, освоившей китайский язык. Поэтому в научной среде складывается единое гуманитарное пространство, и в области юриспруденции учеными обоих государств признается ставшее классическим учение Рене Давида.

Французский компаративист предложил универсальное представление о национальных правовых системах, основанное на их классификации по «семьям права», что позволяет на глобальном уровне комплексно исследовать правовое развитие иностранных государств, не заикливая юридическую науку только на знаниях об отечественном законодательстве и международном праве. В свое время ученый верно смоделировал механизм правового регулирования общественных отношений, позволяющий эффективно влиять на уровень законности, правопорядка и безопасности. Универсальность представлений о правовых системах заключается в том, что указанная доктрина в равной степени характеризует регулятивное развитие собственной нации и неограниченного множества иных субъектов международного права, подпадающих под определение государства с присущими ему признаками.

Поэтому под национальной правовой системой следует признать конкретно-историческую совокупность права, правосознания и юридической практики, во взаимодействии обеспечивающих правовое регулирование общественных отношений и характеризующих уровень развития правовой культуры. При этом «право» сегментировано как регулятивный элемент вне зависимости от формы наполняющих содержанием его источников. «Правосознание» выражается в доминирующих на идеологическом и психологическом уровне представлениях населения и публичной власти о праве и справедливости. Наконец, «юридическая практика» является связующим прикладным элементом национальной правовой системы, непосредственно задействованным в процессе нормотворчества, толкования и правоприменения.

Общепризнанность концепции Рене Давида в юридической компаративистике завоевывалась продолжительное время, хотя монография

«Основные правовые системы современности (Сравнительное право)» впервые была переведена на русский язык в 1967 г.⁶, изменив воззрения о «правовой карте мира», а также подтолкнув к формированию представлений о «юридической таксономии» как иерархичной взаимообусловленности правовой системы, системы права и системы законодательства. Научно-теоретическая апробация доктрины привела к появлению новой категории «правовая система общества», приспособленной к конкретно-исторической экспликации в рамках национальных правовых систем и составляющих «региональных правовых систем», а также в контексте международной правовой системы, выраженной в универсальном и межрегиональном формате.

Доктрина Рене Давида в свое время получила масштабное прикладное распространение, так как «легализовала» экспортировавшуюся в 50–80-е годы XX в. советскую модель государства и права, поскольку основные существовавшие на политической карте мира национальные правовые системы были классифицированы на «романо-германскую семью права», «социалистическое право», а также «общее право». Автор уяснил перспективность «социалистического права», уместного к распространению после окончания Второй мировой войны как следствие победы над нацизмом, в решающем значении в которой СССР никто не сомневался, дегуманизации фашистской идеологии и утраты легитимности колониальной политики Запада, поскольку ее косвенным результатом стало появление нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии. После окончания Второй мировой войны происходили тектонические изменения: возникла Организация Объединенных Наций (1945 г.); на базе Британской империи появилось «Содружество наций», и У. Черчиллем в Цюрихском университете была озвучена идея создания «Соединенных Штатов Европы» (1946 г.); США провозгласили программу помощи Европе (План Маршалла), а Японии была «дарована» Конституция (1947 г.).

В сложившихся условиях социалистические идеи возобладали в государствах победившей «народной демократии» (Албания, Болгария, Венгрия, Германская Демократическая Республика, Куба, Польша, Румыния, Чехословакия и Югославия), а колонизированные народы Азии и Африки получили шанс на суверенную государственность. Для многих примером ее строительства стала Россия, где впервые в мире возникло «советское государство», на практике воплотились идеи «развитого

⁶ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности (Сравнительное право) / пер. с франц. М.А. Крутоголова и В.А. Туманова; предисл. В.А. Туманова. М., 1967.

социалистического общества», декларировалась логичная, но на практике утопическая коммунистическая доктрина. В результате вплоть до крушения «двухполюсного миропорядка» возникло более двух десятков национальных правовых систем, составлявших семью социалистического права, в том числе с выбравшими аналогичный путь развития странами «третьего мира». В XXI столетии немногие государства сохранили верность избранному пути (например, Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Социалистическая Республика Вьетнам, Республика Куба или Лаосская Народно-Демократическая Республика). Впрочем, благодаря распространению «социалистического права» государства классического капитализма были вынуждены перейти к юридическому закреплению и соблюдению всеобщих прав и свобод человека, чтобы исключить смену политического режима в собственном домене⁷.

Послевоенные реалии были всесторонне учтены Рене Давидом, которым одновременно с тремя классическими правовыми семьями выделялись «другие виды общественного строя и права», включавшие национальные правовые системы, в настоящее время определяемые к семье религиозного права, а также традиционного (обычного) права. Однако в технико-юридическом плане «неофиты» имели модель одного из классических типов правовых систем, но на идеологическом уровне сохранялись традиционно-религиозные или философско-мировоззренческие детерминанты. Поэтому для религиозной или традиционной семьи права характерна универсальность юридической формы и специфичность идеологического содержания, при этом под категорией «семья права», как и прежде, понимается совокупность национальных правовых систем, обобщенных на основе анализа технико-юридического и идеологического признаков. Впрочем, последний род признаков имеет расширительное общегуманитарное значение, отражающее духовно-нравственные, общественно-политические и социально-экономические особенности развития общества.

Между тем Китайская Народная Республика, отнесенная Рене Давидом к группе правовых систем Дальнего Востока, непрерывно с 1949 г. строит советское государство и развивает социалистическое общество, усвоив многоаспектный опыт родоначальника социалистического права. С учетом принципиальности китайцев в решении стоящих перед ними задач на пути достижения искомой цели, за более чем 74 года, прошедших с момента провозглашения КНР, добились значительных успехов, при

этом сама Советская Россия функционировала — 74 года (1917–1991 гг.). Поэтому стало уместным юридическое представление о Китае с учетом характерных черт социалистического права: построение советского государства и развитие социалистического общества; превалирование над правами человека законных интересов общества и государства, где обязанности доминируют над правами; доминирование материалистического правопонимания на основе марксистского учения Мао Цзэдуна с учетом классового подхода. К данным признакам также относятся: превалирование норм политики над нормами права, выраженное в примате коммунистической доктрины как составной части государственной идеологии; особая роль правового воспитания в обеспечении законности и правопорядка; наличие развитой системы права и законодательства; построение многоукладной экономики как антипода либеральной рыночной системе; гармоничное сочетание господствующей политической доктрины с философско-мировоззренческими школами, присущими китайской нации.

В идеологической основе государственного и общественного строя Китайской Народной Республики на официальном уровне заложена доктрина Мао Цзэдуна, личность и воззрения которого сохранили привлекательность в общекитайском правосознании. Хотя он стремился побороть пережитки тысячелетиями формировавшихся философско-мировоззренческих школ, некоторые из которых до сих пор сохраняют популярность, например, у простого народа — концепты даосизма, а молодежь и чиновничество различного уровня подпитывается идеями конфуцианства, не противоречащими коммунистической доктрине, где в основе общественного порядка закладывается социальная справедливость. Поэтому благодаря прагматической деятельности Дэн Сяопина, Цзян Цзэмина и Ху Дзиньтао государство добились больших успехов, фактически заняв на международной арене место бывшего Союза ССР как конкурента капиталистическим странам⁸.

В настоящее время для политического руководства и населения Дальневосточного государства строительство коммунизма остается общественно признанной целью, намеченной на 2049 г., что определил XX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, прошедший в Пекине 16–22 октября 2022 г. под председательством генерального секретаря Си Цзиньпина. Поэтому коммунистическая доктрина, под которую подведена научная основа марксизма-маоизма, учтена

⁷ См.: Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Росс. газ. 1995. 5 апр.

⁸ См.: *Небратенко Г.Г.* Государственно-правовая доктрина Мао Цзэдуна как идеологическая основа становления Китайской Народной Республики // *История государства и права.* 2022. № 10. С. 16–22.

в китайском законодательстве, при этом национальные традиции также оказывают гуманитарное влияние на общественное правосознание по принципу «мягкой силы». Законодательство, политическая доктрина и принципы философско-мировоззренческих школ дополняют друг друга, при этом нормативные правовые акты имеют безусловное распространение в сфере публичных отношений, в частных – приветствуются стремление к гармонии с внешним миром, а при возникновении конфликта – примирение путем медиаторского посредничества. Используемые в этом случае «народные традиции» дополняют механизм правового регулирования общественных отношений, но в СССР они считались пережитком прошлого, что в итоге не помешало становлению в КНР советского государства и права.

Между тем после деконструкции СССР российская правовая система механически стала считаться частью семьи романо-германского права, поскольку были исключены условия для пролонгации советского государства и права. Но на конституционном уровне с 2020 г. закреплена идея правопреемства Российской Федерации от Союза ССР на своей территории и в рамках международной правовой системы (ст. 67¹ Конституции РФ), а у широких слоев населения, особо у старшего поколения, сохраняется ностальгическое отношение к советскому прошлому, причем на уровне правосознания. Введение данной нормы стало важной вехой конституционной реформы 2020 г.⁹ В социально-регулятивной сфере преобразования влияют на общественное правосознание, в котором признается ценность семейных традиций, здорового образа жизни, коллективного труда, законных интересов общества и государства. Кроме того, на конституционном уровне с 1993 г. Российская Федерация провозглашена социальным государством (ст. 7 Конституции РФ), и в основе данной нормы заложена доктрина социальной справедливости, встречающаяся в учении В.И. Ленина, правда, в классовом понимании. В свое время стремление к «социальной справедливости» воодушевило народ будущего Острова свободы к Кубинской революции 1959 г.

В Российской Федерации с самого начала отказались от правового централизма, перейдя к юридическому плюрализму, строящемуся на множественности представлений о праве. Поэтому школа материалистического правопонимания считается не актуальной, а интерес к теории государства уступает дискурсу в сфере теории права, что не вполне

⁹ См.: Клеандров М.И. Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 8.

оправданно¹⁰. В результате современный Китай по инерции рассматривается в российской науке как ведущий представитель группы правовых систем Дальнего Востока (вместе с Японией), как предложил Рене Давид, ушедший из жизни в 1990 г. и не заставший распада СССР.

Хотя французский компаративист обращал внимание на волю Китая к реформам, проводимым на пути строительства коммунизма, но он физически не увидел расцвета Китайской Народной Республики. В одной из последних работ отмечал, что проведенные преобразования пока не привели к отказу от традиций, укоренившихся в народном сознании, с которыми считается политическое руководство, что предопределяет особый китайский путь к коммунизму, отличный от выбранного Советским Союзом¹¹.

Рене Давид недооценил тот факт, что на пути от традиционного государства в сторону коммунистического общества неизбежно лежит стадия социализма, особо, если сложившийся общественный строй имеет классовую основу, а государственный строй характеризует советская мажоритарная модель «народного представительства». Поэтому изначальное отнесение китайской правовой системы к семье традиционного права предопределялось «неформатным устройством КНР» по отношению к СССР как родоначальнику советского государства и права. Ведь классовой основой революции, приведшей к возникновению в 1949 г. Китайской Народной Республики, стало сельское население ханьского происхождения, представлявшего большинство китайской нации, что рассматривалось в СССР после 1956 г. как «коммунистический национализм» в противовес концепту «советского интернационализма». В то же время большевики при строительстве Советской России опирались на национальные меньшинства и пролетариат, проживавший в городах, при этом интересы русского большинства ущемлялись при разрушении унитарной государственности и возведении на ее основе парадигмы федеративной республики, концептуализированной в рамках политики коренизации в 20–30-х годах XX в.

Тем не менее в XXI столетии у китайской правовой системы объективно перевешивают признаки «семьи социалистического права» технико-юридического и идеологического характера, предопределенные централизмом коммунистической доктрины, невзирая на существующую многопартийность, представленную рядом либеральных партий,

¹⁰ См.: Кроткова Н.В. Взгляд на отечественную теоретико-правовую науку // Право и государство: теория и практика. 2018. № 3. С. 81.

¹¹ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с франц. и вступ. ст. В.А. Туманова. М., 1988. С. 437.

но правящей неизменно является КПК, а также синкретизмом в китайском правосознании даосизма, маоизма и конфуцианства. Государственный строй Китая в прямом смысле носит советский характер, строясь на мажоритарной системе «народных советов» различного уровня. КНР имеет унитарное устройство с предоставлением автономии национальным меньшинствам в отличие от Союза ССР, являвшегося асимметричной федерацией, сформированной по сложно сочетавшемуся национально-территориальному признаку и административно-территориальному¹².

Однако для Российской Федерации характерные черты социалистического права не актуальны, при этом и для семьи континентального права российская правовая система слишком массивна, а государственность — в конкретно-историческом плане специфична, поэтому не типична. В этой связи отечественную правовую систему как самостоятельную логичней рассматривать отдельно от романо-германской семьи права, как предложено в обновленной Камиллой Жоффре-Спинози концепции Рене Давида¹³. Российская нация спаяна славянскими, финно-угорскими, татарскими и прочими народами, среди которых нет коренных ромеев или германцев. Да и сама семья романо-германского права в географическом плане буквально может считаться «континентальной», если включает правовую систему России и бывших союзных республик Закавказья и Средней Азии, расположившихся в азиатской части континента. Кроме того, с идеологической точки зрения российская правовая система имеет особенности, безоговорочно отличающие ее от иных государств романо-германской семьи, которые в общегуманитарной сфере, влияющей на формирование правосознания, обобщены в емком термине «Русский мир», строящейся на духовно-нравственном примате Русской Православной Церкви, держащейся вместе с буддизмом, исламом и иудаизмом. А сплачивающей основой «Западного мира» стали либеральные ценности, *de facto* разрушающие общественное единство народов и многих государств Европы.

В настоящее время российская правовая система характеризуется следующими чертами: формированием правового государства и гражданского общества; превалированием прав человека над законными интересами общества и государства, при этом права доминируют над обязанностями;

¹² См.: *Фойгель Е. И.* Перспективная модель государственного устройства «симметричная федерация» в контексте обеспечения национальной безопасности России // *Lex russica (Русский закон)*. 2020. Т. 73. № 9. С. 39–48.

¹³ См.: *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 130–220.

господствующим правовым и политическим плюрализмом; превалированием нормативного правового акта как доминирующей формы (источника) права. К данным признакам также относятся: запрет государственной или иной обязательной идеологии, подмененной концептами правовой идеологии; проникновением юриспруденции во все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства; наличием развитой иерархичной системы власти, права и законодательства; стремлением к строительству рыночной экономики, в основе которой все-таки лежит ее либеральная модель.

Поэтому в XXI столетии Китайская Народная Республика и Российская Федерация имеют много различий, но миссия трансграничных государств заключается в координации усилий по обеспечению многополярного устройства и международной безопасности, в том числе в Европе, с которой Азия делит один материк и где *de jure* расположены два евразийских государства: Российская Федерация и Турецкая Республика. Лакмусом успеха в сотрудничестве Востока и Запада является возрождение к 2049 г. «Великого шелкового пути». Международная экономическая стратегия, объединяющая стабильными торговыми путями многие государства под названием «Один пояс — один путь» была провозглашена Си Цзиньпином осенью 2013 г.¹⁴ Однако уже в ноябре 2013 г. на Украине начался «евромайдан», приведший в итоге к неконституционной смене власти и к парализации важнейших торговых магистралей возводимого «Шелкового пути» из Азии в Европу. Впрочем, любые препятствия к развитию прогресса, рано или поздно исключаются человечеством, и, наверное, в этом состоит подлинная цель динамичного сотрудничества Китайской Народной Республики и Российской Федерации, а также заключается практическая значимость исследования возможностей конвергенции национальных правовых систем обоих государств.

Таким образом, перспективы конвергенции правовой системы России и Китая в контексте юридического измерения многополярности основываются на общем для государств традиционалистском мировоззрении, лежащем в основе правосознания наших народов, а также зиждутся на советском социалистическом прошлом, выраженном в самостоятельности российской правовой системы, обладающей технико-юридическими признаками романо-германской правовой семьи, не способными раскрыть ее идеологическую сущность, в первую очередь духовно-нравственную. Даже в постсоветском облике Российская Федерация остается родоначальницей семьи социалистического права,

¹⁴ См.: *Chen Q.* Chinese and Russian Transport Corridors and the Belt and Road Initiative: Prospects of Sino-Russian Cooperation // *R-Economy*. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 100, 101.

нашедшего продолжение в «юридическом быте» Китайской Народной Республики и у некоторых других государств, преимущественно расположенных в Юго-Восточной Азии.

Благодаря конкретно-историческому правовому опыту Китайской Народной Республики, а также Корейской Народно-Демократической Республики, Социалистической Республики Вьетнам, Республики Куба или Лаосской Народно-Демократической Республики следует констатировать, что в XXI столетии семья социалистического права сохраняет актуальность для юридической науки и прикладную значимость в международных отношениях. КНР *de facto* стала продолжателем советского государства и права, развивая социалистическое общество по пути строительства «китайского коммунизма». Однако переход китайцев к социалистической общественно-политической формации оказался по-восточному гармоничен, и рецепция марксизма при посредничестве СССР, сделавшего многое для становления Китайской Народной Республики в 1949–1953 гг., не привела к нивелированию национальной культуры, менталитета и правовых традиций ханьцев (этнического государствообразующего большинства). Успехи современного Китая свидетельствуют о верности пути, избранного в материальной и идеологической сфере; в этом смысле тернистым оказался конкретно-исторический опыт России, в 1917 г. изменившей форму государства, а в 1991 г. утратившей признаки советского государства и права.

Такого уровня государственно-правовые катаклизмы может пережить терпеливый народ, сохраняющий волю к совместному проживанию представителей различных этносов и конфессий, спаянных Богом в единую нацию. Ведь радикальные изменения вектора развития Российского государства практически останавливают темп прогрессирования отечественной цивилизации, ломают сущность правового регулирования общественных отношений. В этом смысле Китай, также неоднократно в XX в. переживавший революции, продемонстрировал гибкость в развитии национальной правовой системы, изменив форму правления (1911 г.), став подлинно «народной республикой» (1949 г.). Неизменным оказывался традиционный отпечаток национальной правовой системы при буржуазном правительстве Чан Кайши или коммунистах во главе с Мао Цзэдуном, хотя в нормотворческом процессе производилась рецепция римского права, а с 1949 г. советского. Поэтому в законодательстве КНР дуалистично уживаются характеристики различных типов права, но с учетом выбранного пути и достигнутых в этом успехов в XXI в. признаки семьи социалистического права стали основой государственного

и общественного строя, а традиционализм отражается в правосознании.

В то же время на международной арене и в отечественном правоведении КНР по инерции рассматривается как традиционалистское государство, но в самом Китае разгоняются темпы строительства многоукладного «китайского коммунизма», при этом официально закреплён классовый статус буржуазии как при НЭПе в СССР 1921–1928 гг. За рубежом КНР выступает одним из гарантов международной безопасности, угрозу которой представляют глобальные амбиции некоторых стран «коллективного Запада». Однако реализация задач глобализации апокалипсична, поэтому активное участие Китайской Народной Республики и Российской Федерации в складывании условий к справедливому многополярному миропорядку дает шанс суверенным нациям на дальнейшее естественное развитие человеческого прогресса за пределами XXI столетия.

Что касается национальных правовых систем, то они могут рассматриваться отдельно от семьи романо-германского и традиционного (обычного) права, в контексте предложенного в свое время Рене Давидом «социалистического права»: «российская постсоветская правовая система» и «китайская социалистическая правовая система», что не отрицает их гибридных черт с романо-германским и традиционным правом соответственно. В отношении России эта идея апробирована в обновленной Камиллой Жоффри-Спинози концепции Рене Давида, где отечественное государство и право рассматриваются самодостаточно вне прочих семей права. С учетом современных реалий этот «тип правовых систем» логичней именовать «семья постсоветского и социалистического права», очевидно, состоящего из двух групп правовых систем.

Укоренившееся в юридической науке представление о квартете семей права не в полной мере отражает правовую картину мира, сложившуюся после деконструкции двухполярного мироустройства и его глобализации. Сложившееся в доктрине представление должно совершенствоваться концептуализацией квинтета правовых семей как результат политики многополярности в юридическом измерении. Появление «новой» правовой семьи предопределяется уровнем становления международного права, разрушаемого политикой глобализации, связано с конкретно-историческим развитием Китайской Народной Республики и Российской Федерации в XXI в., складыванием перспектив для конвергенции их национальных правовых систем. Результативность сближения права зависит от эффективности совместной работы на международной платформе ШОС, а также от укрепления двухстороннего сотрудничества

в контексте международной экономической стратегии «Один пояс — один путь».

Следующим шагом в развитии «доктрины квинтета правовых семей» может стать ревизия типовой принадлежности иных национальных правовых систем, которым в той или иной степени присущи признаки постсоветского или социалистического права. Впрочем, техническое отнесение российской правовой системы к семье романо-германского права может продолжиться впредь, но будет означать экстраполирование на Российскую Федерацию проблем европейского права и государства, отказавшегося от классических континентальных ценностей в пользу конвергенции с либеральной англосаксонской моделью, сопряженно с угрозой утраты национальной идентичности, финансов, в перспективе — суверенитета. Пролонгацию же причисления китайской правовой системы к типу традиционного (обычного) права можно считать отказом от признания объективной реальности, обоснованным только оскоминой от централизма материалистического правопонимания, господствовавшего в советском правоведении, в какой-то мере присущего КНР. Однако правильная оценка обстановки была и остается залогом верности юридического прогнозирования для принятия юридически значимых решений, связанных с преодолением угроз национальной безопасности и формированием условий к складыванию приемлемого многополярного миропорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Варданян А.В.* «Золотая молодежь» как специфическое явление в структуре современной насильственной преступности и объект криминалистического исследования // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи. Уфа, 2019. С. 19–25.
2. *Давид Р.* Основные правовые системы современности / пер. с франц. и вступ. ст. В.А. Туманова. М., 1988. С. 437.
3. *Давид Р.* Основные правовые системы современности (Сравнительное право) / пер. с франц. М.А. Крутоголова и В.А. Туманова; предисл. В.А. Туманова. М., 1967.
4. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 130–220.
5. *Клеандров М.И.* Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 8.
6. *Кроткова Н.В.* Взгляд на отечественную теоретико-правовую науку // Право и государство: теория и практика. 2018. № 3. С. 81.
7. *Лурье Ф.М.* Российская и мировая история в таблицах: синхронизированные таблицы. СПб., 1995.
8. *Небрятенко Г.Г.* Государственно-правовая доктрина Мао Цзэдуна как идеологическая основа становления

Китайской Народной Республики // История государства и права. 2022. № 10. С. 16–22.

9. *Фойгель Е.И.* Перспективная модель государственного устройства «симметричная федерация» в контексте обеспечения национальной безопасности России // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 9. С. 39–48.
10. *Шатковская Т.В., Епифанова Т.В., Вовченко Н.Г.* Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 142–146.
11. *Chen Q.* Chinese and Russian Transport Corridors and the Belt and Road Initiative: Prospects of Sino-Russian Cooperation // R-Economy. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 100, 101.

REFERENCES

1. *Vardanyan A.V.* “Golden youth” as a specific phenomenon in the structure of modern violent crime and the object of criminalistic research // Criminalistic problems of the effectiveness of combating crime and other offenses among young people. Ufa, 2019. P. 19–25 (in Russ.).
2. *David R.* Basic legal systems of modernity / transl. from French V.A. Tumanov. M., 1988. P. 437 (in Russ.).
3. *David R.* Basic legal systems of modernity (Comparative Law) / transl. from French M.A. Krutogolov and V.A. Tumanov; preface V.A. Tumanov. M., 1967 (in Russ.).
4. *David R., Joffre-Spinosi K.* Basic legal systems of modernity. M., 2009. P. 130–220 (in Russ.).
5. *Kleandrov M.I.* Constitutional changes in 2020 and the mechanism of justice: pros and cons // State and Law. 2020. No. 10. P. 8 (in Russ.).
6. *Krotkova N.V.* A look at the domestic theoretical and legal science // Law and the State: Theory and Practice. 2018. No. 3. P. 81 (in Russ.).
7. *Lurie F.M.* Russian and World history in tables: synchronized tables. SPb., 1995 (in Russ.).
8. *Nebratenko G.G.* The state-legal doctrine of Mao Zedong as an ideological basis for the formation of the People’s Republic of China // History of the state and law. 2022. No. 10. P. 16–22 (in Russ.).
9. *Foigel E.I.* Perspective model of the state structure “symmetrical federation” in the context of ensuring national security of Russia // Lex russica (Russian Law). 2020. Vol. 73. No. 9. P. 39–48 (in Russ.).
10. *Shatkovskaya T.V., Epifanova T.V., Vovchenko N.G.* Transformation of the structure of the mechanism of legal regulation in the digital economy // Problems of economics and legal practice. 2018. No. 3. P. 142–146 (in Russ.).
11. *Chen Q.* Chinese and Russian Transport Corridors and the Belt and Road Initiative: Prospects of Sino-Russian Cooperation // R-Economy. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 100, 101.

Сведения об авторе

НЕБРАТЕНКО Геннадий Геннадиевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации; 125993 г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8; профессор кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета; 344002 г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Authors' information

NEBRATENKO Gennady G. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 8 Zoya and Aleksandr Kosmodemyanskikh str., 125993 Moscow, Russia; Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University; 105/42 Bolshaya Sadovaya str., 344002 Rostov-on-Don, Russia